

Новейшие исследования в области истории и педагогики. 2022. С. 135 – 142.
The latest research in the field of history and pedagogy. 2022: 135-142.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 94(470)+94(4)

Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ ОБ ИСТОКАХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

*Картелев Игорь Леонидович,
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева», Орловская область,
г. Орёл, Россия, kartelev-igor58@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды русского мыслителя XIX века Н. Я. Данилевского на причины противостояния России и Запада. Отмечается что автор считает главной причиной враждебного отношения Западной Европы к России стремление Запада не допустить усиления славянского мира. Данилевский был убежден в том, что идеалом для Запада во все времена была слабая Россия, идущая в русле западной политики. Вместе с тем, Данилевский отстаивает тезис об отсутствии у России стремления к агрессии, захвату европейских территорий.

Ключевые слова: Данилевский Россия, Запад, Европа, противостояние, агрессия.

Для цитирования: Картелев И.Л. Н.Я. Данилевский об истоках противостояния России и Запада //Новейшие исследования в области истории и педагогики. 2022. С. 135 – 142.

RUSSIAN HISTORY AND LOCAL HISTORY

Scientific article
UDC 94(470)+94(4)

N.YA. DANILEVSKY ABOUT THE ORIGINS OF THE CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

© Картелев И.Л., 2022

Kartelev Igor Leonidovich,
FSBEI HE "Orel State University named after I. S. Turgenev",
Orel region, Orel, Russia, kartelev-igor58@yandex.ru

Abstract. The article deals with the views of the 19th century Russian thinker N. Ya. Danilevsky on the reasons for the confrontation between Russia and the West. It is noted that the author considers the main reason for the hostile attitude of Western Europe towards Russia the desire of the West to prevent the strengthening of the Slavic world. Danilevsky was convinced that the ideal for the West at all times was a weak Russia, going in line with Western policy. At the same time, Danilevsky defends the thesis that Russia has no desire for aggression, the seizure of European territories.

Keywords: Danilevsky Russia, West, Europe, confrontation, aggression.

For citation: Kartelev I.L. N.Y. Danilevsky on the origins of the confrontation between Russia and the West //The latest research in the field of history and pedagogy. 2022. p. 135 –142.

В своем главном труде «Россия и Европа» выдающийся русский мыслитель Н.Я. Данилевский особое внимание уделил проблеме противостояния западной цивилизации и славянского мира, прежде всего – России. Данилевский утверждал, что это противостояние имеет давнюю историю. Исследование проблемы автор начинает с воспоминаний о разговоре, который однажды состоялся между ним и собеседником из Европы. «Взглянем на карту, - говорил мне один иностранец – разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своею массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?» [1, с. 23]. Данилевский находит в истории Европы много примеров, когда европейские же правители угрожали чуть-ли ни всему континенту: Франция при Людовике XIV и Наполеоне, Испания при Карле V и Филиппе II, Австрия при Фердинанде II. Они «...действительно тяготели над Европой, грозили уничтожить самостоятельное, свободное развитие религиозных ее национальностей» [1, с. 23].

Данилевский пишет, что Россия действительно вмешивалась в европейские дела, но всегда при этом она защищала не свои, а европейские интересы. Например, в ходе войны с Наполеоном Россия

сначала спасала Европу от угнетения Францией, а затем спасала Францию от мщения Европы. Через 35 лет Россия, едва ли не вопреки своим интересам, спасла от распада Австрию. Однако, пишет Данилевский, Европа, вопреки всем историческим фактам «не устает кричать на все лады, что Россия – колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы» [1, с. 24]. Данилевский пишет, что это одно из обвинений в адрес России. Другое состоит в том, что «Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана, какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе» [1, с. 24].

Далее Данилевский анализирует историю присоединения к России ряда территорий, которое вызвало обвинения России со стороны Запада: Финляндии, Прибалтики, земель Белоруссии и Украины, которые автор именуется Северо-Западным и Юго-Западным краями, ранее именовавшимися польскими провинциями [1, с. 24]. Автор утверждает, что это все – русские земли, а потому Россия никогда их не завоевывала [1, с. 30]. Данилевский пишет: «... нельзя завоевать того, что наше без всякого завоевания, всегда таким было, всегда даже таким считалось всем русским народом» [1, с. 30].

Такое понимание бытовало в России вплоть до тех пор, пока не появились в головах многих представителей русской элиты, или, как пишет Данилевский – высших слоев русского общества, «нелепые гуманитарные бредни», не имеющие даже достоинства искренности и беспристрастия» [1, с. 30]. Особенно остро реагировала Европа на включение в состав Российской империи части территории Речи Посполитой. Данилевский пишет: «Раздел Польши считается во мнении Европы величайшим преступлением против народного права, совершенным в Новейшее Время, и вся тягость его взваливается на Россию. И это мнение не только газетных крикунов, не только толпы, а мнение большинства передовых людей Европы» [1, с. 31]. Данилевский называет земли Речи Посполитой, включенные в состав Российской империи при Екатерине II не иначе, как Русскими землями, возвращенными в родной дом. И Россия все время стремилась эти земли вернуть. При Алексее Михайловиче произошел первый раздел Польши: Россия взяла из своего то, что на тот момент могла: Левобережную Украину, Киев, Смоленские земли.

Важным считает Данилевский тот факт, что «Россия при Алексее Михайловиче не принадлежала к политической системе европейских государств, а значит, - не играла по правилам Запада, не подстраивалась под него. Данилевский пишет: «Россия, никого не спрашиваясь, взяла то, что тогда могла» [1, с. 31]. В то время, как указывает автор, гуманитарные идеи не бродили еще в русских головах. Россия закрепила бы за православием и русской народностью Юго-Западный край и край Северо-Западный до того еще, как появился Чарторыйский со товарищи.

Данилевский задается вопросом: почему то, что было законно в середине XVII века, становится незаконным к концу века XVIII? Тем более, что повод к войне одинаков – все то же притеснение православного населения, взывавшего о помощи к родной России. «И если справедливо было вернуть Смоленск и Киев, то почему же было несправедливо вернуть не только Вильну, Подолию, Полоцк, Минск, но даже Галич, который, к несчастью, вовсе не был возвращен?» [1, с. 32].

В чем же разница между событиями XVII века и века XVIII? Данилевский считает, что за эти 100 лет Россия вступила в политическую систему европейских государств, и руки ее были связаны. [1, с. 32]. «Свое ли, не свое родовое достояние ты возвращаешь, как бы говорили ей соседи, нам все равно, только ты усиливаешься, и нам надобно усилиться на столько же» [1, с. 32] Между тем, Россия возвращала свое, а Пруссия и Австрия захватывали земли собственно польские. Данилевский считает, что именно Австрия и Пруссия уничтожили польскую государственность.

Данилевский пишет, что Запад, возможно, потребует от России проявления великодушия т.е. потребует отказаться от принадлежащего ей по праву и, тем самым, не уничтожать Польшу. Иными словами, Россию постоянно призывают стать на донкихотскую точку зрения. Данилевский допускает, что в принципе это было бы возможно, если бы Польша иначе поступила бы со своими русскими и православными подданными. Но, учитывая истинное положение русскоязычных и православных жителей Речи Посполитой, подобное донкихотство и гуманизм были бы, «смешным и жалким великодушием за чужой счет» [1, с. 33].

Данилевский уверен, что правила христианской нравственности не применимы к межгосударственным и международным

отношениям. Это было бы, по его мнению, «странным смешением понятий», доказывающим лишь непонимание тех оснований, на которых зиждятся эти высшие нравственные требования [1, с. 33]. По Данилевскому, нравственный образ действий предполагает самопожертвование. Именно самопожертвование есть высший нравственный принцип. Это – тождественные понятия. Но о самопожертвовании можно было бы говорить в отношении субстанции бессмертной. Здесь видится обращение к евангельскому сюжету, когда умерший за все человечество не умер вовсе, а воскрес, остался живым. Но для человека все заканчивается здешней, земной жизнью, а поэтому законы человеческой деятельностью не могут браться ниоткуда иначе, как из требований этой самой жизни. Жизнь требует ее сохранения, и этот инстинкт так же верен и применим к жизни государства. «... Государство и народ суть явление преходящее, существующее только во времени и, следовательно, только на требованиях их временного существования могут основываться законы их деятельности, т.е. политики» [1, с. 34].

Данилевский сразу же отбрасывает обвинения в макиавеллизме. Он всего лишь утверждает, для каждого конкретного случая или явления существуют свои законы. Это, если угодно, философия, диалектика поступка. «Око за око, зуб за зуб, строгое право, бентамовский принцип утилитарности, т.е. здоровое понятие пользы – вот закон внешней политики, закон отношений государства к государству» [1, с. 34]. Данилевский делает вывод: «Тут нет места закону любви и самопожертвования. Не к месту примененный, этот высший нравственный закон принимает вид мистицизма и сентиментальности» [1, с. 34].

Рассмотрев историю разделов Польши, Данилевский заключает, что для России это было делом совершенно законным и справедливым, это было исполнением священного долга России перед своими сынами, притесняемыми и подавляемыми, взывающими о помощи и заступничестве свою Родину – Россию. И не надо здесь смущаться, впадать в сентиментальность. Европа, несмотря на все это, вознегодовала. И это негодование обрушилось не на действительно виновных – Австрию и Пруссию, а на Россию. «В глазах Европы все преступление раздела Польши заключается именно в том, что Россия усилилась, возвратив свое достоинство» [1, с. 34-35]. Если бы не это обстоятельство, то германизация славянской

народности (автор называет поляков самой любезной для Запада славянской народностью, но все же – славянской! – *И.К.*), не вызвала бы столько причитаний и слез Европы [1, с. 35]. Поляки же, прежде всего польская интеллигенция, знают, как задобрить Запад. Им легче отказаться от своего кровного достояния, отошедшего к Австрии и Пруссии, нежели от претензий на те земли, которые когда-то она сама же у России и отторгла. Данилевский здесь использует пример из жизни насекомых (он был выдающимся натуралистом – *И.К.*) Ядовитый паук, фаланга, с яростью пожирая своего врага, так увлекается, что не ощущает, что другой уже отъел у него зад. Автор считает, что такой паук на гербе шляхетско-иезуитской Польши был бы более уместен, нежели одноглавый орел.

Затрагивает Данилевский и Крым. Он пишет, что, действительно, полуостров не принадлежал в прошлые времена России, но он послужил прибежищем непримиримым врагам России, которые постоянно угрожали русским рубежам. Автор соглашается с тем, что, при включении Крыма в состав Российской империи было завоевано государство, и лишена самостоятельности тамошняя народность. Если всякое вообще завоевание – это национальное убийство, то, в случае с Крымом, «это было такое убийство, которое допускается и Божескими и человеческими законами, – убийство в состоянии необходимой обороны [1, с. 37-38]. Данилевский также пишет и о присоединении к России Кавказа. «После раздела Польши едва ли какое другое действие России возбуждало в Европе такое всеобщее негодование и сожаление, как война с кавказскими горцами и особенно недавно совершившееся покорением Кавказа [1, с. 38].

В противовес обвинениям Запада в адрес России по поводу включения в ее состав различных территорий, Данилевский напоминает о колониальных захватах Англии, о французских захватах Эльзаса, Лотарингии, Корсики, Алжира, о включении Пруссией и Австрией в свой состав польских земель, об испанских завоеваниях в Америке.

Данилевский указывает на такой прием, используемый против России, как создание мифа о «российской военной угрозе». Он пишет: «Ежели нельзя упрекнуть Россию в действительно совершенных ею завоеваниях, то, может быть, к ним были направлены ее стремления: неудача покушения не оправдывает еще преступления» [1, с. 39-40].

Данилевский делает вывод, что вся русская история показывает, что Россия - не честолюбивая, не завоевательная держава, что она часто жертвовала своими интересами в пользу интересов европейских. Так откуда же это негодование, несправедливость, ненависть к России со стороны правительств и общественного мнения Европы? И Данилевский обращается к другому капитальному обвинению против России: она - «гасительница света и свободы, темная, мрачная сила, политический Ариман. Данилевский приводит слова немецкого историка, политика, правоведа Карла фон Роттека: «... всякое преуспеяние России, всякое развитие ее внутренних сил, увеличение ее благоденствия и могущества есть общественное бедствие, несчастье для всего человечества» [1, с. 44]. И это мнение немецкого интеллектуала есть выражение общественного мнения всей Европы, считает Данилевский. Никому нет дела до того, какова форма правления в России, каковы недостатки русской администрации, судопроизводства, налоговой системы и т.д. Нет дела до тех пор, «пока она не стремится навязать всего этого другим» [1, с. 45].

Запад обвиняет Россию в том, что она, якобы, стремится задушить западные ценности, порожденные еще Французской революцией XVIII в. Тем не менее, когда в России начались либеральные реформы 60-х гг., Европа продолжала считать Россию оплотом реакции и деспотизма. Во внешней политике Россия употребляет свое влияние в пользу всего либерального: и российское правительство и общественное мнение России были на стороне американского правительства даже более активно, нежели либеральная Европа. Одной из первых Россия признала Итальянское королевство. И что же? Поменялось ли отношение Европы к России хоть ненамного?

Да, Европа сочувствовала русским крепостным крестьянам, но лишь потому, что видела в них элемент, который может вызвать в России нескончаемую смуту. Запад проявлял к польским повстанцам много любви и доброжелательности. Но почему? Так уж ли искренно Запад любит поляков? Данилевский пишет: «вешатели, поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России [1, с. 49]. Защитники национальностей умолкают коль скоро дело идет о защите русской народности, донельзя угнетаемой в

западных губерниях, - так же точно, впрочем как и в отношении босняков, болгар, сербов, черногорцев [1, с. 49].

Говоря об истоках противостояния России и Запада, о многовековом неприятии европейцами русского мира, Данилевский делает вывод, что Европа никогда не признавала Россию равной себе. В Европе всегда доминировало бессознательное чувство враждебности к России. «Это-то бессознательное чувство, этот-то исторический инстинкт и заставляет Европу не любить Россию» [1, с. 52]. Проанализировав многовековую историю взаимоотношений славянского мира и Запада, Данилевский констатирует, «что Европа признает Россию и славянство чем-то для себя чуждым, и не только чуждым, но и враждебным» [1, с. 53].

Список источников

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

References

1. Danilevskij N. Ya. Rossiya i Evropa. M.: Kniga, 1991.

Картелев Игорь Леонидович,

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», Орловская область, г. Орел, Россия, kartelev-igor58@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.05. 2022; одобрена после рецензирования 25.05. 2022; принята к публикации 14.06. 2022.

The article was submitted to the editorial office on 21.05. 2022; approved after review on 25.05. 2022; accepted for publication on 14.06. 2022.